

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 2. Море	5
Часть вторая	7
Часть третья	137
Книга 3. Невская твердыня	299
Часть первая	301
Часть вторая	387
Часть третья	520
Эпилог	633

Книга 2

Море

Посвящаю жене моей
Евдокии Александровне Костылёвой.
Автор.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

В царёвом Кремлёвском дворце состоялся торжественный приём прибывших из Англии купцов и учёных.

Сводчатые, украшенные золотыми по синему узорам дворцовые переходы, убранные хвойной зеленью террасы и горницы наполнились для встречи англичан нарядно одетыми боярами, дворянами, боярскими детьми и военными служилыми людьми. Парчовые, сверкающие золотом, в собольих мехах опашни и охабни, драгоценные камни, а главное, глубочайшая, почтительная тишина поразили заморских гостей. Они шурились, с удивлением осматривая с ног до головы бояр, величаво стоявших по бокам коридора.

Каждый из царедворцев хорошо знал, какое важное значение придаёт царь Иван приезду англичан, и поэтому стремился блеснуть перед иностранными гостями роскошью своих одежд, своею высокородною повадкою. В лицах вельмож бесстрастное, чинное спокойствие, хотя многим из них казались смешными и эти тонкие ноги, обтянутые цветным трико («будто нагие»), и эти кружева, и пышные жабо на шее, стеснявшие подбородок, и куцые плащи сверх узорчатых бараньих камзолов.

В приёмных покоях англичане были ещё более поражены великолепием палаты и ослепительным блеском тронного места. Царь в золотом кресле; перед ним на атласных подушках осыпанные самоцветами три короны.

Четверо юных рынд в белых, вытканых серебром кафтанов вытянулись по сторонам трона. В руках у них серебряные секиры с древками, обвитыми золотым шнуром. Солнечные лучи, сквозь окна ниспадая на тронное место, освещали крупное, мужественное лицо царя.

Князья, бояре, думные дворяне неподвижно, словно неживые, сидели полукругом перед царским тронном.

Англичане, слегка наклонив голову, подошли к трону; государь поднялся с своего места. Поднялись, как один, и все московские вельможи, шуриша шёлком и парчой одежд.

Гости низко поклонились царю.

Старший из них, высокий, худощавый мужчина лет со рока, подал в руки царя Ивана письмо английской королевы.

Принимая письмо, царь снял свою обшитую соболем и осыпанную алмазами шапку и спросил англичан, как здоровье «сестры, королевы Елизаветы».

Ответом было взаимное приветствие от лица королевы и спрос её о здоровье Ивана Васильевича.

Царь пригласил королевского посланника занять место рядом с ним на скамье, особо приготовленной для него, убранной дорогими красочными коврами.

Следующий вопрос царя английскому послу был о том, видел ли он в Вологде, какие большие суда и баржи построены его, царя, мастерами.

Англичанин ответил:

— Видел.

— Какой же это изменник показал их тебе? — улыбнувшись, спросил Иван Васильевич. А затем приветливо кивнул головой: — Коли так, скажи, как то было?

— Молва о них пошла по городу, где мы стояли, — ответил англичанин. — Народ бегал в праздники смотреть на них. И я решил с моими товарищами идти и полюбоваться на их удивления достойную величину, красоту и странную обделку. Я — англичанин, сын морской державы... Мы любопытны!

Царь спросил, немного подумав над словами англичанина:

— Что означают те слова: «странная обделка»?

— Изображение львов, драконов, слонов, единорогов, так отчетливо сделанных и так богато украшенных золотом, серебром, яркою живописью, с таким искусством, которого я не видал у иностранцев.

— Добро! Ишь, как расхваливает... Гоже! А кажется, ты их зорко высмотрел? Сколько же их?

Царь слегка наклонил голову в сторону чужестранца, сощутив глаза, как бы в нетерпении.

— Ну, говори...

— Я видел не более двадцати, ваше величество, — спокойно, с достоинством ответил англичанин.

Царь внимательно посмотрел на него. Ему нравилась гордая, благородная осанка англичанина, его открытое, с крупными и мужественными чертами лицо, обрамлённое коротко подстриженной русой бородкой.

— Ну что ж, добро!.. — сказал царь с приветливой улыбкой. — В недалёком будущем ты увидишь их сорок и не хуже

этих. Я доволен тобою, верный слуга моей сестры-королевы! Бог с тобой!.. Однако ты более того удивился бы, кабы посмотрел, каковы сокровища внутри моих морских посудин... Особенно в тех, что стоят у нас в Нарве... Видишь — мы ничего не скрываем от вас. Так поведай же и ты нам: правда ли, что у твоей королевы, моей любезной сестры, лучший флот в мире?

— Правда, ваше величество, — с явным самодовольством ответил посол.

— Не скрой от нас, добрый человек: чем же он отличается от моего?

— Силою и величиною: наши корабли могут пробиться вразрез волнам через великий океан и бурные моря.

Иван Васильевич задумался, пасмурным взглядом обвёл своих вельмож. Слушают ли они внимательно беседу с чужеземцем? Кое-кто дремлет, кое-кто, выпучив глаза, бессмысленно смотрит на царя, а иные сидят с «пустошным подобострастием». Он перевёл взгляд на англичан.

— Как же они построены, те корабли?

— С великим искусством, ваше величество! У них острые, как ножи, кили. У них плотные и крепкие бока... Пушечное ядро едва может пробить их...

— Что ещё?

Иван Васильевич вздохнул. В глазах его и в звуке голоса была заметна зависть.

— На каждом корабле нашем пушки и сорок медных орудий большого калибра. Немало боевых припасов. Есть мушкеты, цепные ядра, копья и другие орудия защиты.

— Пушки медные? — как бы про себя повторил Иван Васильевич и покосился на дьяка Василия Щелкалова, которому заранее приказал записывать всё, о чём он будет спрашивать англичан и что те ему будут отвечать.

Дьяк Щелкалов усердно выполнял приказ и, по обычаю, стоя записывал на бумаге слова царя и англичанина.

— Ну, а какой народ?.. Смирен ли? Прилежен ли к королевской службе, украшен ли цветами благочестия?.. Есть ли у вас дружба меж начальниками?.. Не утесняют ли они во вред королеве, сестре моей, малых людей, не обижают ли их в корме?

Англичанин поднялся с места. Царь сделал жест, чтобы он снова сел.

— На английских кораблях народ хорошо обученный, послушный начальникам и каждый один другому брат.

Может ли быть иначе, когда столько опасностей и горя в морях и океанах им приходится переносить всем вместе? Они ежедневно читают молитвы.

Царь опять медленно обвёл хмурым взглядом своих князей и бояр. («Слава Богу, Фуников проснулся!»)

— На английских кораблях, — продолжал посол, — в изобилии хлеб, мясо, рыба, горох, масло, сыр, пиво, водка и всякая другая провизия, дрова и вода. Всего вдоволь. И никто не обижает малых людей, матросов и юнг. Таких, которые воровали бы у своих товарищей, — какой бы начальник ни был, — у нас казнят... Они оскорбляют всю нацию!

На щеках посла выступил густой румянец. Голос прозвучал негодующе:

— Таких следует убивать! Их нельзя называть англичанами. Они оскорбляют знамёна с гербом и вымпелом королевы, перед которыми преклоняются корабли других королей.

Иван Васильевич одобрительно покачал головой.

— Вижу — честный ты слуга своего царства... А много ли таких кораблей у твоей королевы, что ты поведал нам?

— Сорок, ваше величество!

— Хорош королевский флот, как ты назвал его! Он, гляди, перевезёт не меньше сорока тысяч солдат к союзнику? — произнёс царь.

Англичанин сделал вид, что не слышит.

— Далеко ли плавают те слуги королевы на её судах? Я слышал, что плавают они в дивии, неведомые доселе страны?

— То верно, ваше величество, но в этих странах есть много золота, жемчуга, драгоценных камней. Наши мореходы легко побеждают чёрных эфиопов и иных дикарей и берут их в плен. Они доставляют королеве то богатство и привозят на кораблях много рабов, и земли те отдадут во власть нашей пресветлой королевы.

— Я слышал, — продолжал царь Иван, — что теми рабами на торжищах обогащаются ваши купцы и государственные люди. Так ли это?

— Чернокожие люди подобны зверям, они поклоняются огню и деревянным идолам.

Царь Иван задумался и после некоторого молчания тихо произнес:

— У нас на торжищах торгуют только скотом. Наш закон и вера не позволяют торговать на торжищах людьми. Мы почитали бы это великим грехом.

Англичанин промолчал.

— Ну, спасибо тебе, добрый слуга королевы, сестры моей! Побывай завтра у нас, в Посольском приказе... Дело до тебя есть.

Разъезжаясь по домам, бояре ворчали: попусту, мол, государь с нехристями-иноземцами беседу ведёт. Грешно русскому человеку со всяким чужестранцем дружить. Еретики они! Бесстыдники! Голоштанники!

Челядник возвращался домой в одном возке с Фуниковым.

— Негоже, боярин, спать, когда сам говорит... — укоризненно сказал он Фуникову.

— Вздремнул я... скушно!..

— Смотрел он на тебя... приметил... поостерегись!

— Бог с ним! — зевнул Фуников. — Ближе горе — меньше слёз. Ничего! За правого Бог и люди.

— Когда же царь поведёт войско-то? Заждался Курбский. Заждались и новгородцы... Чего он медлит?

— Видать, сердце его чует беду, — нараспев зевнул Фуников и с усердием почесал под бородой. — А покудова вона што сотворяет в Нарве!.. Будто всяких языков народы набились в корабли, штоб в море плыть...

— Всё нам наперекор... Всё назло нам, прости Господи! Православные мы люди, душа не терпит того бесчестия.

— Всё вверх дном, Петрович! Сёдни курица — и та фуруется. Задор, сам знаешь, силы не спрашивает. Всё перевернулось.

— Боярин Овчина Димитрий правильно его называет «англицким царём» ... Далась ему Лизавета...

— Сестрою её величает... Да Бог с ней! Как наши-то дела?

— Третьяк, брат Висковатого, упреждал Володимира Андреевича, штоб сидел тихо до поры до времени... Пушай Семён Ростовский не водит к нему тайно литовских людей и к нам бы не заезжал. Царёвы уши везде... Князь Палецкий Митрий тоже не горазд в молчании. Слаб на язык. Поостерегаться его Третьяк упреждал...

— Ах, Висковатый! Сам себе тирана на шею посадил. Он и Воротынский... Помнишь их лютование против нас, когда Иван Васильевич на одре лежал. Што бы нам в те поры посадить на престол Володимира-то. Вот бы счастье! Висковатый и Воротынский помешали в те поры нам! Пушай

теперь и не жалуются. Спихнули бы мы его тогда, лежащего на одре, с престола. И-их! Глупость человеческая! Уж, видать, мы не дотянем до конца этой песни. Нет. Не дотянем!

— С дацким королусом будто бы наш вздумал ста́каться. Союза ищет против Литвы.

— Не против Литвы, а против нас! Всё к тому, чтоб нас крепче прижать... Дацкий Фредерик свару завёл со Свейским, так будто наш думает: корысть от того на море ему прилучится, силы больше заберёт через то... А по-моему, по-стариковски: собакой залаешь, а петухом не запоёшь!.. Иван Висковатый, и тот уже руками разводит... Следовало бы, говорит, отступить от Ливонии. Давно бы пора. Побаловали, да и довольно! Дацкая страна, говорит, нам не поддержка.

— Ладно! Помалкивай до поры до времени... Там, в Посольской избе, знают, што делать... Есть наши люди... понимают пользу. Положимся пока на волю Господню. А то истинно... всяк понимает, чем крепче будет царёва держава, тем худшее нам, боярам... Ливония, коли станет его вотчиной, — умножит его могущество... Великая радость его — наше горе.

* * *

В утро следующего дня царь Иван Васильевич снова беседовал с англичанами. Расспрашивал их не только об Англии, но и задавал им вопросы о богатстве, о военно-морской мощи, вере и обычаях франков, скандинавов, испанцев...

Рассказы англичан сильно интересовали его.

Здесь, в Посольской избе, занятой будничной повседневной работой, беседа с царём понравилась англичанам более вчерашней, происходившей в пышной обстановке царского дворца. И царь как будто чувствовал себя свободнее наедине с иноземцами, нежели в присутствии сонма надутых, чопорных бояр. Дьяки, почтительно стоявшие вдоль стен, также принимали участие в беседе, и некоторые из них выполняли обязанности толмачей. Здесь были: Висковатый, Андрей Васильев, Писемский, Совин, оба Щелкаловы, Колыметы, Алёхин и многие другие.

От англичан не укрылось то, что царь Иван с некоторыми дьяками держится проще, чем с боярами, милостиво улыбается в ответ на их слова... И вообще царь показался англичанам совсем другим, чем во дворце. Он попросил английского посла письменно изложить ему то, что он знает о флоте английской королевы и о флоте иных стран. Посол

ответил, что он рад исполнить это и будет счастлив представить государю завтра же свою докладную записку об этом, а теперь он просит его величество разрешить людям королевы поднести ему последний образец английского корабля, точно изображающий натуральный корабль.

Один из членов английского посольства вынул из чехла модель корабля и подал её Ивану Васильевичу в собственные его руки.

Маленький корабль был хорошо выточен из букового дерева, разрисован красками, оборудован снастями, распущенными парусами, флагами, раззолоченными пушками и другими военными принадлежностями.

— Этот подарок поручили передать вашему величеству знатные королевские люди. Они благодарны вам за мудрую дружбу с Англией.

Иван Васильевич приподнялся и ответил англичанам также глубоким, «поясным» поклоном. Он долго, с любопытством рассматривал кораблик, расспрашивал о значении той или иной его части.

По окончании беседы царь Иван подозвал к себе дьяка Андрея Васильева.

— Одарите мехами и конями добрых рыцарей королеввы Елизаветы... Опись покажи мне. — И добавил тихо: — Нерадивы стали дьяки у тебя к царской службе... Наказать надо! Живут праздно.

Васильев не осмелился ничего ответить в своё оправдание, боясь вызвать у царя гнев, но подумал: «Сукин сын, Вяземский, наболтал! Постоянно сует нос в посольские дела!»

Царь сказал, чтобы дьяки уделяли больше внимания иностранцам, побольше бы узнавали об их обычаях и делах.

— Мой отец, в бозе почивший великий государь Василий Иванович, запрещал чужеземцам бывать в нашем царстве и ездить далее на восток... Бог мне простит мою слабость. Не потехи ради пускаю в свою землю чужеземцев. Мои владения открыты им. Помните! Бог простит мне и то, что держу иных у себя силою. Судят меня бояре и прочие. Скажу им: не сокрушайтесь, за всё ответит Богу грешный царь!

Васильев сказал, что немногие иноземцы, уехав за рубеж, пишут правду о Москве и государе.

Иван Васильевич рассмеялся:

— Беседовал со мной в субботу фрязин Ванька Тедадьди*. И печаловался, будто много народу погубил я. Так-де пишут в западных странах... Стар он, неразумен. Губил я изменников, да и где им почёт?! Вон Эрик Свейский с своею собакою, кровосмесителем Георгом Перссоном, сколько высокородных гордецов сгубил, да и брата своего Иоанна, коли он попал бы к нему, не пощадил бы... Эрик губит своих вельмож без толку, я перебираю людишек моих по делам. Следовало бы и ещё кое-кого убрать, но я терпелив... жду, покудова исправятся... Царю всё ведомо, и коли ты за собою вины никакой не видишь, то, будь покоен, царь её видит!..

Краска смущения залила лицо дьяка. Он не ожидал такого оборота речи Ивана Васильевича.

— Убийца либо вор, присвоивший чужое добро, явственно видит своё преступление... Тот, кто грешит против государя и родной земли, не убивая и не ворую, почитает себя правым и всякое дело своё творит, гордясь тем, будто делает добро... будто в том нет греха... будто ошибается государь, — уходит по тому пути далеко... Так далеко, что уж ему и преступленье не кажется преступленьем. В те поры беру его и казню, а он, умирая, говорит: «Прости, Господи, царю и великому князю грех его — не ведает бо, что творит!» Так и умирает, не покаившись. Ну и Господь с ним. Монастыри я заставил поминать их души.

Царь милостиво распрощался с англичанами.

Окружённый дьяками, сопровождаемый Малютою Скуратовым и стрелецкою стражею, опираясь на посох, он неторопливо пошёл во дворец.

Вернувшись в свои покои, Иван Васильевич приказал постельничьему послать поклон матушке государыне.

Мария Темрюковна пришла, приветствовала царя, он ответил ей таким же приветствием. После этого подвёл её к столу и показал ей кораблик, подаренный английским послом.

Царица залюбовалась им; ей очень понравилась отделка корабля, но она сказала, что хорошо бы прикрепить к мачте московский герб — будто бы это наш корабль.

* Итальянец Джиованни Тедадьди — флорентинский купец XVI в.; в 1551—1565 гг. неоднократно бывал в России. На фоне других иностранных свидетельств о России 16 в. рассказы Тедадьди отличаются сочувственным тоном к России и благожелательным отношением к Ивану Грозному.

Царь был в восторге от этого совета супруги. Он велел слугам немедленно сыскать на митрополичьем дворе новгородского богомаза Марушу Нефедьева и привести его во дворец.

— Вот бы мне такое судно!.. Поехали бы мы с тобой на море... Любопытно мне посмотреть на ихнюю жизнь... Уж больно расхваливают они себя... Так ли это?

Мария Темрюковна уже не первый раз слышит о желании царя побывать в Англии. Он ведь знает, что ей не нравится это, и, словно бы нарочно, повторяет одно и то же. Царь по её молчанию и скорбно опущенному взгляду угадал её недовольство.

— Ну, не сердись, Бог с тобой, голубица моя! Можно ли царю отъезжать из своей земли? На один день мне из Москвы нельзя отлучиться.

Пришёл иконописец Маруша Нефедьев, упал в ноги царю.

Иван Васильевич велел ему подняться и слушать его. Он приказал Маруше нарисовать маленькие вымпелы с двуглавым орлом.

— Поторопись! Живо!

Маруша бросился опрометью бежать и вскоре принёс маленькие вымпелы с московским гербом.

Иван Васильевич осторожно прикрепил их к модели корабля.

Царь и царица глазами, полными восхищения, долго любовались кораблём.

— Закажу я такие же корабли в Англии... — И, немного подумав, громко сказал, взглянув на жену: — Нет. Будем делать у нас свои... на Студёном море. У церкви святого Архангела. Самим надо учиться... есть и у нас люди...

Мария Темрюковна сказала сердито:

— Не построим.

— Что так, государыня?

— Они не захотят!

Царь вспыхнул, глаза его заблестели гневом.

— Заставлю! — тихо, но грозно проговорил он. — И мореходцы у нас с древних времен и по сие время ведутся. Умножим их.

Мария Темрюковна недоверчиво покачала головою:

— По силам ли тебе то, батюшка государь?

Иван Васильевич, немного подумав, сказал:

— Сильны бояре, государыня, воистину сильны! Однако не теряй веры. Служилые помогут. У меня одна невзгода, у них другая... И царь, и малые служилые люди в обиде на вотчинных владык. Изобидели они нас. В приказах моих и в войске народ исхудал... ропщет... К делу охоту теряют. Добро бы невзгоды его были от скудости земельных угодий. Мало ли у нас земли? Княжата да бояре на земле распластались, служилым людям уж совсем тесно стало. В приказы ходят, приказами живут, нужду в них имут, а людей приказных ни во что ставят. Нужда охоту отбивает к работе. И малую толику не горазды вельможи уделить им. Сам Бог велит царю согреть щедротами своими малых сих. Кто же позаботится о них? Кто наложит руку на вотчины великие, опричь государя? Воинники тоже... Обороняют землю, а земли мало кто имеет.

Мария Темрюковна помолилась на иконы:

— Помоги тебе Господь! — И добавила: — Завистливым они тебя обзывают, злобою великою пышут. Берегись, батюшка Иван Васильевич!

— Не все!

— Все, государь! Кому же в ум придёт, чтоб землю свою отдавать? Кабы у отца моего кто землю посмел отнять, он убил бы того... проклял бы того навеки!..

Иван Васильевич задумался.

— Да, нелегко терять землю! Нелегко расставаться с родовыми уделами. Это надо понять!

— О том я и говорю, государь, — вздохнула царица.

— Но идти вспять не благословил меня Господь... До смерти буду идти тем путём... Бог поможет мне. Не отступлюсь!

II

В Москве, у Сивцева Вражка, городской приказчик Семён Головня согнал толпу каменщиков, стенщиков и ломцов — тех, что восстанавливали разрушенные царскою осадю стены Казанской крепости. Тут же были резчики по камню из Новгорода и холмогорские работные люди. Царь Иван с особою любовью строил новые церкви и всячески поощрял мастеров-каменщиков. Ещё в 1556 году писал он новгородским дьякам:

«Мы послали в Новгород мастера печатных книг Марушу Нефедьева, велели ему посмотреть камень, кото-

рый приготовлен на помост в церковь к Пречистой и к Сретенью. Когда Маруша этот камень осмотрит, скажет вам, что он годится на помост церковный и лицо на него наложить можно, то вы бы этот камень осмотрели сами и мастеров добыли, кто б на нём лицо наложил, и для образца прислали бы к нам камня два или три. Маруша же нам сказывал, что есть в Новгороде, Васюком зовут, Никифоров, умеет резать резь всякую, и вы бы этого Васюка прислали к нам в Москву».

И теперь в толпе работных людей находились оба эти мастера: Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров, а с ними и знаменитый колокольный мастер Иван Афанасьев из Новгорода.

У костра завязалась беседа.

Петька-новгородец, мускулистый, складно сложенный детина, жаловался: хлеба мало дают.

— Ты и без того што скала и ревёшь почище быка... Без хлеба полгода проживешь... — пошутил над ним его товарищ Семейка, дрожа от сырости и холодного ветра.

Посмеялись, побалагурили.

— Где работано, там и густо, а в бездельном доме пусто, — проворчал, почесав затылок, резчик по камню дядя Фёдор. — Чего ради нагнали сюды народищу!.. Э-эх, приказные мудрецы! О нас плохо думают.

— Верно, дедушка, ихово то дело... Нас вот из Холмогор пригнали, а мы испокон века на Студёном море плаваем... суда водим купецкие, — тяжело вздохнул расстрига-монах, широкоплечий, косматый детина, одетый в сапоги из тюленьей кожи. Имя его — Кирилл Беспрозванный.

— То-то, братцы... Какие мы строищики! Мы — мореходцы, — поддержал своего товарища холмогорский мужик Ерофей Окунь.

— Прижали нас попусту. И мзда не помогла.

— Што уж! Слыхали, чай: дерёт коза лозу, а волк — козу, мужик — волка, приказный — мужика, а приказного — чорт!

Расхохотались ребята. Понравилось.

— У нас так... — сказал, притоптывая лаптями по мягкшему от весеннего солнца косогорью, похожий на ежика псковитянин Ермилка — малого роста, в тулупе наизнанку. — Службу служить, так значит: перво-наперво — себе, на-вторых — приятелям удружить... Добро прилипчиво...

Воевода в городе, как мышь в коробе. Ежели им быть, так уже без мёда не жить... Дудки! Одним словом, спаси, Господи, народ, — смеясь, перекрестился Ермил, — накорми господ!

Семён Головня, городской приказчик, прислушавшись к разговору работных людей, насупился:

— Полно вам!.. Чего шумите?

И пошёл.

— Ладно, новгородцы! Будем, как пучина морская... Молчите! — проговорил Кирилл Беспрозванный. — Я вот побил игумена, и за то расстригли... Пьяный был я... Во хмелю несговорчив. Да и вольный я человек, морской... Простор люблю... В келье скушно стало мне...

В хмурой задумчивости ещё теснее столпились вокруг костра.

— Ишь, земля-то за зиму как промёрзла, — покачал головою Окунь. — Словно у нас в Холмогорах.

— Земля не промёрзнет, то и соку в ней не будет!.. — оглянувшись в сторону городского приказчика, громко сказал дядя Фёдор и тихо добавил: — Прорва, сукин сын!

— А сколько их, Господи! — заохал скорбно Ермилка.

— И что держат народ? Не понять, не разгадать!

— В том оно и дело: гнали — мол, батюшка-царь приказал торопиться, не мешкать... А пригнали — и ни туды, и ни сюды... Топчемся по вся дни на Сивцевом Вражке. А для ча — неведомо.

Подошедший к костру Нефедьев, сделав страшные глаза, сказал тихо:

— Будто боярина какого-то ждут... А вот, вишь, он и не едет. Э-эх, Москва, Москва! Вот и вспомнишь батюшку Новгород.

— Истинно! — отрезали новгородцы. — Вспомянешь.

— А мы Студёное наше морюшко всё с Кириллом поминаем... Э-эх, душа истосковалась по родным местам!.. — вздохнул Окунь.

— По окияну ходили и так не робели, как тут в Москве, — произнёс расстрига. — Окиян нас кормил и поил без отказа, без упреков. Што хошь делай — раздолье!

Пошёл хлопьями мокрый снег; ветер, пробега по лужам, завивал снежок, разрывая огни костров. Кустарники и деревья, почерневшие от сырости, наполнились глухим рокотом.

— Зима ворчит, не хочет уступать весне! — засмеялся Окунь.